

Типы сказок, известные только у эстонцев и латышей, могли перейти от одного народа к другому в результате более позднего общения. Особенно это можно предположить в отношении сказок дидактического характера, которые наряду со сказками о животных занимают существенное место в общем репертуаре латышей и эстонцев. Вероятно, с эстонским субстратом мы имеем дело при АТ 37*: латышские варианты происходят из окрестности Лудзы, но у тамошних эстонцев эти сказки были популярны до последнего времени.

В дальнейшем в ходе сотрудничества фольклористов следует уточнить контингент сказок, общих для балтийских и прибалтийско-финских народов, и ареал распространения отдельных типов. Более детально следовало бы изучить и те типы сказок, которые кроме балтийских и прибалтийско-финских народов известны еще только у отдельных финно-угорских народов или у восточных славян. Эти сказки не всегда имеют восточнославянское происхождение и заимствованы при посредничестве других народов. По крайней мере часть таких сказок может быть связана у восточных славян с балтийским или финно-угорским (в том числе с прибалтийско-финским) субстратом.

А. Федосик (Минск)

ОБЩНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ МОТИВОВ И ОБРАЗОВ В ЛАТЫШСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ НАРОДНОЙ САТИРЕ

Всестороннее экономическое и культурное общение белорусского и латышского народов обусловило развитие многообразных взаимосвязей в их устном поэтическом творчестве. Многие народные латышские произведения, сюжеты, мотивы из собраний, изданных Кр. Бароном (1835-1923), А. Лерхом Пушкайтисом (1859-1903) и другими фольклористами, близки или подобны соответствующим белорусским устно-поэтическим произведени-

ям, изданным Е. Романовым, П. Шейном, М. Федоровским, С. Сахаровым и др. Особенно отчетливо общность сюжетов и мотивов проявилась в сатирико-эмористических произведениях социальной направленности.

Во многих фольклорных произведениях латышского и белорусского народов беспощадно высмеиваются помещики и богачи. В сказках и анекдотах народ ставит их в комическое положение, обличает паразитизм, скупость, жадность, жестокость, неприспособленность к жизни, глупость и т.п. В конфликтных ситуациях всегда побеждает бедняк-крестьянин. Например, в сказке сюжетного типа АА 1538 (мужик мстит помещику) как латышский, так и белорусский герой трижды избивают своего обидчика-барина в схожих ситуациях: под видом врача, купца и т.п. Национальное своеобразие выявляется в деталях, языке, изображении обстановки, в которой действуют персонажи, показе бытовых условий жизни крестьян и т.д.

Еще большее распространение получили в фольклоре обоих народов произведения, остро критикующие церковь и духовенство. Сатирические типы попа и ксендза, занимающие центральное место в антиклерикальной народной сатире, воплотили наиболее характерное в облике и поведении духовенства, т.е. того сословия, которое выступало в роли духовного пастыря народов. Призывая паству исполнять божьи заповеди, церковники сами никогда не были образцом для других. Народные произведения раскрывают истинное лицо пастырей: они жадны, лицемерны, жестоки, аморальны.

В противоположность типам церковных служителей, наделенных различными пороками, в белорусских и латышских сказках и анекдотах образы батраков и простых крестьян предстают остроумными и находчивыми, умными и ловкими.

Анализируя устно-поэтические произведения, следует учитывать, что они могут иметь много вариантов, относящихся к разным историческим эпохам, что не могло не отразиться на характере раскрытия образов. Каждая эпоха привносит также

такие элементы в народные произведения, изучение которых позволяет выявить определенные национальные особенности в этносе. Общность смыслового содержания многих произведений латвийского и белорусского народов не лишает эти произведения национального колорита. Стараниями собирателей латвийского и белорусского фольклора зафиксировано еще больше произведений, отличающихся по содержанию и отражающих особенности быта и культуры каждого из народов.

ЭТНОГРАФИЯ

Н.Бураковская (Минск)

ПАРАЛЛЕЛИ ВОДНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ БЕЛОРУСОВ И НАРОДОВ ПРИБАЛТИКИ

Водные пути с древнейших времен играли важную роль в истории человечества. Еще в эпоху неолита для передвижения по воде люди использовали плоты и долбленые лодки-однодеревки, о чем свидетельствуют археологические находки на территории Белоруссии, Украины, России, Латвии. В дальнейшем с развитием производительных сил происходило изменение техники и объемов судоходства. Наличие на территории Белоруссии таких крупных водных магистралей, как Днепр, Зап.Двина, Неман, способствовало развитию экономических и культурных связей соседних племен и народов, истоки которых уходят в глубокую древность. Птолемей писал, что во II в. н.э. суда ходили по всему течению Днепра, в том числе и вверх к истокам Зап.Двины. В IX-X вв. н.э. по великому торговому пути из "варяг в греки" плавали уже целые караваны судов от Балтийского к Черному морю. Существовали ответвления этого пути на Зап.Двину между Днепром и Ловатью, Каспией, Усяжью. В XI-XII вв. путь из "варяг в греки" утратил свое былое значение. С этого времени усилились торговые связи населения Древней Руси с народами Прибалтики и Западной Европы по Зап.Двине и Неману. В период феодализма Зап.Двина становится важнейшим транзитным путем между Восточной и Западной Европой при значительном посредничестве населения Прибалтики. Тесные экономические связи, несомненно, дополнялись и этнокультурными контактами.

О важном значении Даугавского водного пути на протяжении ряда столетий вплоть до XIX в. имеется ряд интересных работ советских историков. Несколько меньше внимания уделе-